

УДК 811.161.1. 81'42 – Русский язык

DOI: 10.17223/19986645/66/6

Н.А. Мишанкина, О.А. Черныш

**ЛЕКСИКА ДЕЛОВОГО ПРОТОКОЛА В АСПЕКТЕ
«ПРЕРЫВНОСТИ» ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМАЦИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТОКОЛОВ 1917–1933 гг.)**

Представлены результаты исследования лексической организации текстов деловых протоколов двух периодов: 1917 и 1918–1933 гг. в аспекте «прерывности» дискурсивных формаций. Посредством применения контент-анализа выявлены трансформации лексической организации протокола, обусловленные изменением социальной реальности. Определены параметры трансформации, отражающие появление новых деятелей, изменение дискурсивных практик, установление нового социального и политического порядка.

Ключевые слова: документный дискурс, протокол, контент-анализ, лексическая организация, дискурсивное единство, дискурсивная формация.

Постановка проблемы исследования

Природа любого дискурса, с точки зрения Мишеля Фуко, динамична в силу того, что он представляет собой поле рассеянных дискурсивных событий, соответствующих некоторому числу высказываний. Дискурс одновременно представляет собой дискурсивное единство и некоторое множество дискурсивных формаций, границы между которыми Фуко предлагает определять на основе понятия «прерывности». Целостность дискурсивной формации определяется как системой событий, так и материальной близостью высказываний, имманентных этой формации. Фуко пишет, что речь идет о дискурсивной формации, «...когда для некоторого числа высказываний мы могли бы описать подобную систему рассеивания, в том случае, когда между объектами, типами высказываний, понятиями и тематическими выборами мы могли бы определить закономерность (regularite) (порядок, корреляции, позиции и действия, преобразования)...» [1. С. 93]. Но дискурсивная формация «...не образует завершающего уровня дискурсов, если под этим выражением понимать тексты (или устную речь) в том виде, в каком они воплощаются в своей лексике, синтаксисе, логических структурах или в своей риторической организации» [Там же. С. 156]. Таким образом, стабильность дискурса определяется в указанной работе одновременно как постоянство функции высказываний, изменение же собственно языкового его воплощения свидетельствует о принадлежности к другой дискурсивной формации [Там же. С. 226]. Эта идея реализована как исследовательский проект П. Серио, посвященный анализу советского политического дискурса [2] и в целом в работах учёных французской школы анализа дискурса [3].

Исследование русского документного текста в этом аспекте открывает новые возможности, так как, с одной стороны, этот тип дискурса тяготеет к стабильности и унифицированности вследствие функциональной специфики, связанной с оформлением процессов регулирования социальной жизни [4–5]. Тенденция к унификации делового документа на русском языке возникает практически с его появлением, а уже в начале XIX в. было принято «Общее учреждение министерств», закрепившее унификацию деловых бумаг. В XX в. процесс усиливается: уже в 20-е гг. начинают формироваться стандарты оформления деловых документов, используемые по сей день [6]. Исследования в области документного текста (Е.Б. Богатова, Т.М. Веселовская, И.С. Вольская, Т.А. Дюженко, В. Губаева, Е.М. Иссерлин, М.Н. Кожина, М.В. Косова, С.П. Кушнерук, Л.Г. Кыркунова, И.Р. Подзолкова, О.П. Сологуб и др.) показывают, что современный документный текст обладает такими базовыми свойствами, как: 1) унифицированность; 2) фактографичность; 3) объективность и нейтральность [Там же].

С другой стороны, в литературе отмечаются тенденции, идущие вразрез с описанными свойствами [7–12], которые могут быть проинтерпретированы в аспекте дискурсивных формаций. Несмотря на активную работу документоведов (М.П. Илюшенко, Н.С. Ларьков, Е.А. Плешкевич, Г.Н. Швецова-Водка и др.), до сих пор не принята единая непротиворечивая научная классификация видов и разновидностей документов, что свидетельствует, по нашему мнению, о динамичности и неоднозначности этого дискурсивного единства. Е.Б. Богатова указывает на ряд проблем, препятствующих полноценному исследованию сферы документного текста [7. С. 43]. В силу большого разнообразия форм социального взаимодействия в рамках этого функционального единства дискурсивные формации могут быть выделены по функциональному, локальному или хронологическому принципу.

Коммуникативно-прагматический и дискурсивный подход актуализирует потенциал документного текста в указанном аспекте, позволяет по-новому отразить отражение в них социальных, культурных, исторических процессов (С.В. Ахметова, Л.П. Батырева, Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, А.С. Давыдова, Е.З. Киреева, Н.А. Мишанкина, А.А. Моисеенко, Н.В. Орлова, Т.П. Рогожникова, М.В. Ромашко, А.О. Стеблецова, В.К. Харченко, Т.В. Чернышова, О.А. Черныш, Т.А. Ширяева). В частности, в ряде работ рассматривается трансформация языкового воплощения документов с точки зрения коммуникативных процессов, протекающих в этой области. И здесь могут быть названы работы Н.А. Мишанкиной, Ж.А. Рожневой [13], В.К. Харченко [9], Л.П. Батыревой [10], О.П. Сологуб [7], Т.П. Рогожниковой [12], Н.В. Орловой [14–16], О.А. Черныш [17], О.А. Черныш, Н.А. Мишанкиной [18].

Особый интерес в этой связи представляют документные тексты, создающиеся в переломные исторические периоды. В статьях В.К. Харченко и Л.П. Батыревой отражена языковая специфика документов начала XX в., проявляющаяся в неоднородности стилистических ресурсов: «...смещение старого и нового, привычного, своего и чужого, чуждого» [10. С. 55], что

отражает смену социальных отношений. В работах Н.В. Орловой [14–16] представлен взгляд на языковые особенности документов сферы образования (приказов) двух периодов (70–80-е гг. XX в. и 2010–2012 гг.); автор констатирует изменение речевой организации как показатель смены мировоззренческих установок, свидетельствующих о трансформации дискурсивной картины мира. Работы [17–18], посвященные исследованию протоколов собраний общественных организаций Томской губернии, также показывают эту дискурсивную прерывность в аспекте языковой организации.

Однако этот аспект по-прежнему остается малоисследованным. Документный текст и документный дискурс не столь часто попадают в фокус исследовательского внимания. Вместе с тем изменения, происходящие в социально-политической системе общества в 1917–1933 гг., не могли не оставить следа в документном дискурсе. Исследуемый период в истории России является эпохой глобальных изменений в жизни общества, так как за относительно краткий промежуток времени происходит большое количество исторически значимых событий: Февральская и Октябрьская революции, Первая мировая и Гражданская война, Новая экономическая политика, коллективизация и индустриализация. Русское общество коренным образом изменилось под их влиянием, изменилась не только социальная организация, но и мировоззрение, и язык. Об этом свидетельствуют исследования публицистических и художественных текстов этого периода, отражающие социальные изменения в лексическом пласте русского языка [19–24]. Полагаем, что изложенное выше убедительно показывает необходимость изучения документного дискурса в аспекте «прерывности» лексической организации, отражающей динамику социальной реальности.

Цель настоящей работы – выявить количественные характеристики лексической организации текстов протокола в аспекте «прерывности» дискурсивного единства, обусловленной сменой социальной реальности в период 1917–1933 гг.

Именно поэтому особый интерес представляют тексты протоколов собраний общественных организаций, фиксирующих новый социальный порядок в периоды социально-политических изменений. Протокол, как тип документа, специфичен тем, что фиксирует ход социальных и исторических процессов в их реальном воплощении и именно по этой причине является их подтверждением: «Протокол – документ, содержащий последовательную запись хода обсуждения вопросов и принятия решений на собраниях, совещаниях, конференциях и заседаниях коллегиальных органов [25. С. 60].

Методология и методы исследования

В качестве ведущей методологии принимается подход, представленный в работах М. Фуко и исследователей французской школы анализа дискурса. Избранный материал полностью соответствует определению предмета анализа, представленному в рамках данного подхода: «...тексты в полном

смысле этого термина: произведенные в институционных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [3. С. 27]. Это два корпуса документов: 1) протоколы заседаний 1-й сессии Томского губернского народного собрания, созданные в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г., объемом 25 документов, 91 686 словоупотреблений, 350 страниц (Корпус 1917) [26]; 2) протоколы заседаний различных учреждений Томска (губисполком, Совет рабочих и солдатских депутатов, губревком и под.) за период с 1918 по 1933 г., объемом 126 документов, 41 630 словоупотреблений, 137 страниц (Корпус 1918–33) [27]. Неравномерность корпусов в аспекте объема и количества документов обусловлена недоступностью текстов разных периодов, так как далеко не все они были опубликованы. Однако разные объемы корпусов компенсируются использованием при анализе показателя относительной частотности, учитывающего процентное соотношение частотности анализируемых категорий и общего количества словоформ. В качестве основного метода использовался автоматизированный контент-анализ, позволивший выявить количественные параметры лексической организации анализируемых массивов документов. Этот метод показал свою эффективность при анализе определенных параметров текстовых массивов [2–3, 18, 28–32].

В ходе анализа была применена следующая процедура. На первом этапе оба массива документных текстов были переведены в электронный текст формата txt и обработаны программой количественного анализа Content Pro (программа распространяется свободно в сети Интернет) [33], были получены значения частотности для каждой лексемы. Полученные данные были доработаны: результаты, в случае неудовлетворительного грамматического / орфографического оформления, скорректированы. В итоге были сформированы частотные профили лексических единиц для каждого массива, что позволило оценить динамику лексической организации документов исследуемых периодов. Итоговые данные проинтерпретированы, осуществлен сопоставительный анализ результатов.

Результаты анализа

Как уже говорилось выше, результаты автоматизированной обработки текста были скорректированы в семантическом аспекте, на основе семантических категорий были сформированы группы лексических репрезентантов. Ранее, в работе [18], было установлено, что для документного дискурса значимым является такое свойство, как фактографичность – включение в текст единиц рефератного характера, позволяющих установить факт события. В этой связи лексемы были объединены в категории фактографического характера: «Персоналии», «Топонимы», «Год», «Дата» (названия дней, месяцев), «Национальность» для определения степени «документальности» исследуемых корпусов. Результаты отражены на рис. 1.

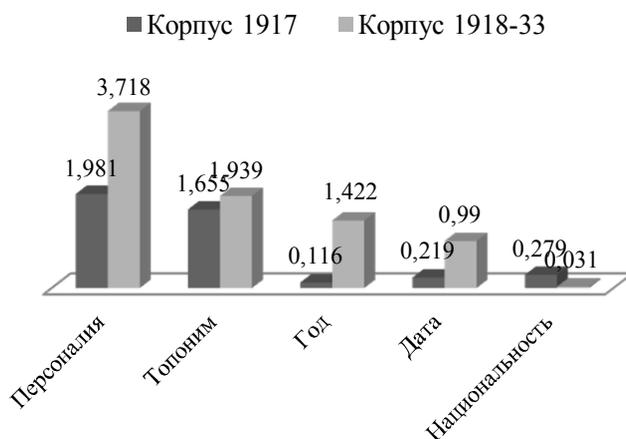

Рис. 1. Фактографическая лексика в исследуемых корпусах

Единицы именно этих категорий оказались наиболее частотными в оба исследуемых периода. Однако можно убедиться, что уже на этом этапе проявляются различия в лексической организации текстов разных периодов: степень фактографичности второго корпуса значительно выше по всем категориям, кроме категории «Национальность». Обращение к единицам, сгруппированным в категории, показывает значительные содержательные различия. Рассмотрим категорию «Персоналии», представленную в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Персоналии

Корпус 1917 г.		Корпус 1918–1933 гг.	
Персоналия	Частота, %	Персоналия	Частота, %
Наумов	0,22	Колчак	0,15
Ган	0,19	Беленец	0,12
Шишарин	0,10	Кузоватов	0,12
Сизиков	0,07	Орлов	0,06
Шастин	0,05	Некрасов	0,05
Сосновский	0,04	Раузин	0,03
Шатилов	0,04	Лыткин	0,02
Монюшко	0,04	Ленин	0,02
Бархатов	0,03	Бухарин	0,01

Как можно убедиться, состав антропонимов абсолютно различен, что вполне может быть объяснено сменой социально-политического строя и появлением новых политических и общественных лидеров. В текстах Корпуса 1917 упоминаются номинации непосредственных участников собрания: председателя и докладчиков. Спектр номинаций Корпуса 1918–1933 значительно шире, он включает имена государственных общественных

деятелей (выделены курсивом) [18]. Однако для обоих корпусов оказывается одинаковой ситуация гендерного дисбаланса: в них практически отсутствуют антропонимы-фамилии, называющие женщин.

Анализ категории «Топонимы», с одной стороны, также свидетельствует о единстве – подтверждает региональный характер топонимов, отражаемых в исследуемых массивах, фиксирует как наиболее значимый из них *Томск*, губернский, а позже областной, город. С другой стороны, сравнительный анализ номинаций показывает различия: в Корпусе 1917 гораздо чаще упоминаются топонимы, связанные с Алтаем и близкими к нему территориями, а также единицы, номинирующие территории современного Казахстана. Полагаем, что это связано с широко обсуждаемым в этот период вопросом об изменении границ Томской губернии, куда эти территории входили до 1917 г. Таким образом, «география» документов Корпуса 1917 шире, чем в более поздних. В табл. 2 представлены наиболее часто встречающиеся в массивах документов топонимы.

Т а б л и ц а 2

Топонимы

Корпус 1917 г.		Корпус 1918–1933 гг.	
Населенный пункт	Частота, %	Населенный пункт	Частота, %
Томск	0,38	Томск	0,59
Алтай	0,09	Новониколаевск	0,12
<i>Сибирь</i>	0,07	Нарым	0,095
<i>Россия</i>	0,07	<i>Сибирь</i>	0,08
Бийск	0,06	Кольвань	0,07
Барнаул	0,04	Анжеро-Судженск	0,06
Змеиногорск	0,04	Варюхино	0,05
Каинск	0,03	Мариинск	0,04
Кузнецк	0,03	Молчаново	0,035
Семипалатинск	0,03	<i>Москва</i>	0,03
<i>Петроград</i>	0,02	Эушта	0,03
Славгородск	0,02	<i>Россия</i>	0,025
Бухтарминский	0,01	Жуково	0,02
<i>Вологда</i>	0,01	Заварзино	0,02
<i>Европа</i>	0,01	Кривошеино	0,02
Мариинск	0,01	<i>Ленинград</i>	0,02
Михайловка	0,01	Тайга	0,02
Нарым	0,01	Алтай	0,015

Категория «Национальность» включает номинации по соответствующему признаку, функционирующие в корпусах. При этом весьма частотной является лексема, номинирующая не конкретную национальную принадлежность, а любую «нерусскую» – *инородец*. Эту единицу мы также включили в подсчет, так как она маркирует дифференциацию по национальному признаку. Результаты количественной обработки представлены на рис. 2.

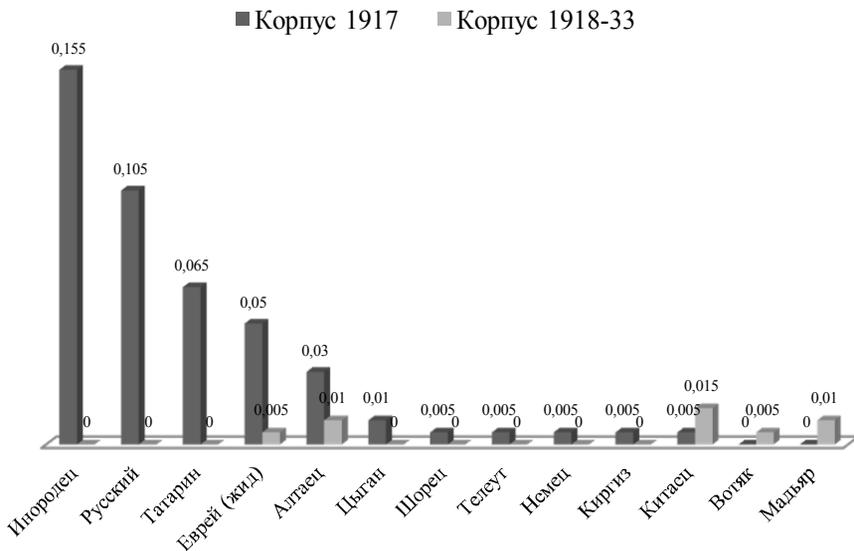

Рис. 2. Национальность

Протоколы Корпуса 1917 более последовательно и разнообразно отражают исследуемую категорию. При этом наиболее частотной является единица «инородец», о которой было сказано выше. В Корпусе 1918–1933 единично упоминаются только 5 национальностей из 12: *еврей, алтаец, китаец, вотяк и мадьяр*, лексема *инородец* не упомянута совсем. Полагаем, что подобное распределение напрямую связано с попыткой решения вопроса о национальном самоопределении народов Сибири, проживающих на территории Томской губернии в 1917 г. Напомним, что в этот период, период распада Российской империи, чрезвычайно актуальны и остры областнические тенденции, стоит вопрос о придании Сибири статуса автономии. После Октябрьской революции эта тенденция идет на спад, так как одной из задач становится сохранение целостности государства, а также социальное переустройство в аспекте классовой дифференциации общества. Под влиянием идей интернационализации национальные вопросы уходят на периферию общественных обсуждений.

Рассмотренные нами категории, с одной стороны, позволяют сделать вывод о фактографичности текстов исследуемых корпусов: информация носит реалистичный характер, связана с событиями, происходящими с реальными людьми (общественные деятели Томска), на определенной территории (Томская губерния и Томск), что свидетельствует о них как о единстве. С другой стороны, обращение к единицам, входящим в состав категорий, показывает варьирование, свидетельствующее о трансформации отображаемой действительности.

Второй аспект, объединяющий оба массива, – дискурсивная организация, репрезентантами которой выступают в тексте лексические единицы,

номинирующие: тип коммуникативной ситуации, типовых участников коммуникации, тип документа, типичные коммуникативные действия. Количественный анализ лексики протоколов за исследуемые периоды позволил вывести следующее распределение, представленное на рис. 3, 4.

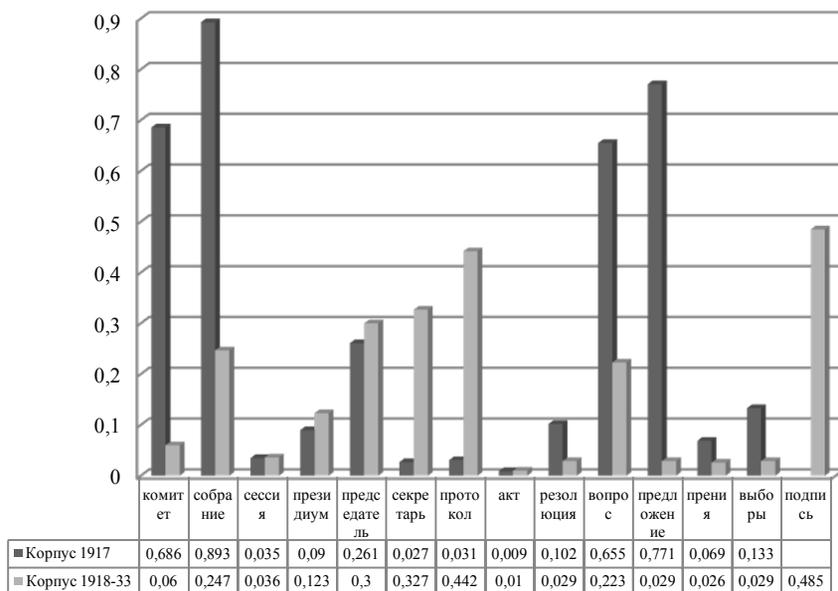

Рис. 3. Тип коммуникативной ситуации и ее компоненты

На рис. 3 представлены данные об объектах дискурса, формах их организации и взаимодействия. Их частотность различается в исследуемых корпусах. Маркеры форм организации (*комитет, собрание*) и типичных компонентов коммуникативной ситуации (*выборы, вопрос, предложение, прения, резолюция*) намного чаще встречаются в Корпусе 1917. С другой стороны, в Корпусе 1918–1933 чаще маркированы типовые участники дискурса (*президиум, председатель, секретарь*), жанр документа (*протокол*) и формальные компоненты (*подпись*).

Количественный анализ типичных коммуникативных действий (рис. 4) также показывает их различие в исследуемых корпусах документов. В данном случае речь идет об унификации: частотность маркеров типовых коммуникативных действий в Корпусе 1917 более равномерно распределена, исключение составляет только лексема *принять*. В Корпусе 1918–1933 более последовательно используются три глагола (*постановить, слушать и принять*), определяющие жанр протокола и на современном этапе. Полагаем, что частотность в Корпусе 1917 г. глаголов, отражающих коммуникативные процессы, связанные с ходом принятия решения (*выработать, обсуждать, полагать, применять, принять, решить, согласовать, ука-*

затем), обусловлена большей детализированностью этого документа: протокол этого периода более точно, как стенограмма, воспроизводит все дискуссионные моменты. Протокол 1918–1933 гг. документирует принятое решение, а не процесс достижения консенсуса. Таким образом, на этом уровне также можно наблюдать, с одной стороны, единство дискурса, с другой – различие его формаций, связанное с различием практик оформления документа в разные периоды, которые обусловлены, предполагаем, сменой дискурсивных правил.

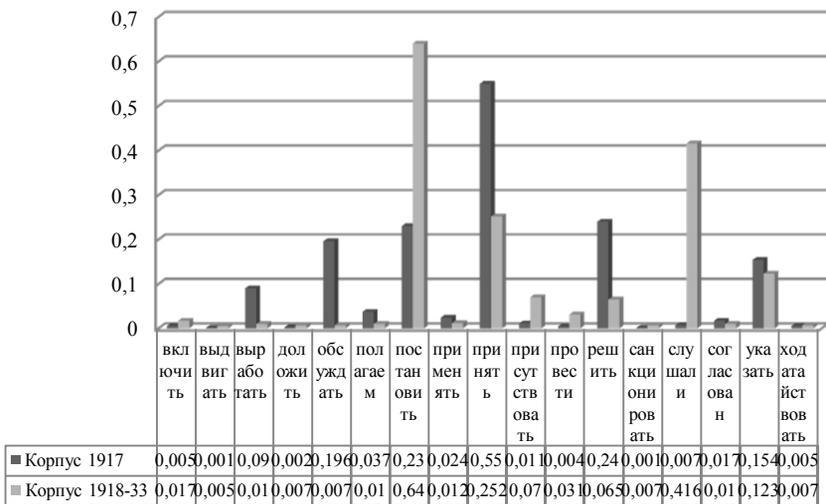

Рис. 4. Типичные коммуникативные действия

Количественный анализ знаменательной лексики также демонстрирует прерывность дискурсивных формаций. В табл. 3 представлены единицы исследуемых корпусов с частотностью не ниже 0,02%.

Несмотря на некоторую общность лексического состава исследуемых корпусов, наиболее частотные единицы различны и в целом отражают проблематику исторических периодов. Самая часто употребляемая лексема в Корпусе 1917 связана с организацией управления Томской губернией: участники Томского народного собрания учреждают различные комиссии, которые должны решать насущные вопросы, касающиеся распределения земель, заготовки хлеба, статуса религиозных организаций, распределения продовольственных запасов и организации торговли, а также вопросы образования.

В Корпусе 1918–1933 наиболее частотна лексема *товарищ*, отражающая новый тип социальных отношений, а также новые социальные маркеры (*кулак, середняк, служащий*). Вместе с тем актуальными остаются и вопросы хлебной разверстки, статуса крестьянина и т.п. (подробнее см. [18]). Интересным представляется распределение наиболее частотных глаголов (выделены курсивом). В обоих корпусах их равное количество – 4, однако

в Корпусе 1917 самым частотным является модальный глагол возможности, затем следует глагол речевой деятельности и владения [34], а в Корпусе 1918–1933 самый частотный – глагол профессиональной и бытовой деятельности, а затем следуют глагол владения, речевой и социальной деятельности [Там же].

Т а б л и ц а 3

Наиболее частотные лексические единицы в полном массиве документов

№ п/п	Корпус 1917		Корпус 1918–1933	
	Единица	Частота, %	Единица	Частота, %
1	комиссия	0,98	товарищ	0,81
2	губерния	0,84	<i>работать</i>	0,66
3	народ	0,81	кулак	0,44
4	уезд	0,48	<i>иметь</i>	0,36
5	земля	0,44	религия	0,36
6	местный	0,41	советская власть	0,35
7	<i>мочь</i>	0,38	время	0,33
8	хлеб	0,38	хозяйство	0,32
9	должен	0,37	хлеб	0,30
10	представитель	0,36	организация	0,27
11	доклад	0,36	<i>говорить</i>	0,26
12	<i>говорить</i>	0,36	власть	0,25
13	религия	0,32	разверстка	0,25
14	торговать	0,31	член	0,25
15	нужный	0,29	дело	0,25
16	продовольственный	0,29	крестьянин	0,25
17	пункт	0,28	<i>выполнить</i>	0,24
18	волость	0,27	гражданин	0,24
19	<i>дать</i>	0,26	бедняк	0,24
20	дело	0,25	партия	0,24
21	школа	0,24	деревня	0,23
22	<i>иметь</i>	0,23	вопрос	0,22
23	военный	0,23	средняк	0,22
24	население	0,22	волость	0,21
25	необходимость	0,22	служащий	0,21

Более развернутый сопоставительный анализ полного состава лексики исследуемых корпусов позволил выявить тенденции трансформации лексической организации протоколов. Удалось обнаружить, что только очень незначительная доля лексических единиц используется с равной частотой. Их список представлен в табл. 4.

Можно видеть, что действительно частотных единиц с частотой > 0,02% среди них очень мало. Значительно больше единиц, частотность которых увеличилась или уменьшилась, либо единиц, встречающихся только в одном из корпусов, данные о них приведены далее в соответствующих табл. 5–8.

Таблица 4

Лексическое единство: лексические единицы с равной частотностью

Единица	Корпус 1917, %	Корпус 1918–1933, %
мнение	0,046	0,046
сколько	0,022	0,022
например	0,017	0,017
заняться	0,010	0,010
непосредственно	0,010	0,010
одновременно	0,010	0,010
всецело	0,007	0,007
кризис	0,007	0,007
наряд	0,007	0,007
необходимый	0,007	0,007
закончить	0,005	0,005
зачем	0,005	0,005
правильный	0,005	0,005
шаг	0,005	0,005

Таблица 5

Лексическое единство: лексические единицы с увеличившейся частотностью

Единица	Корпус 1917, %	Корпус 1918–1933, %
<i>товарищ</i>	0,086	0,810
<i>работать</i>	0,090	0,656
хозяйство	0,082	0,324
организация	0,165	0,269
власть	0,082	0,247
<i>разверстка</i>	0,002	0,247
<i>бедняк</i>	0,031	0,238
деревня	0,115	0,226
гражданин	0,172	0,216
служащий	0,112	0,209
<i>связь</i>	0,033	0,180
отношение	0,059	0,168
рабочий	0,104	0,168
<i>политика</i>	0,035	0,166
мера	0,108	0,161
<i>милиция</i>	0,012	0,156
считаем	0,065	0,156
<i>арест</i>	0,011	0,149
последний	0,062	0,139
<i>работник</i>	0,025	0,139
дом	0,059	0,135
внимание	0,049	0,127
<i>положение</i>	0,007	0,127
<i>скот</i>	0,020	0,125
человек	0,081	0,120
настоящий	0,082	0,118
<i>агитировать</i>	0,003	0,110

Единица	Корпус 1917, %	Корпус 1918–1933, %
имущество	0,022	0,108
уволить	0,023	0,108
<i>уполномоченный</i>	<i>0,009</i>	<i>0,106</i>
срок	0,030	0,101
<i>убить</i>	<i>0,014</i>	<i>0,101</i>
<i>отец</i>	<i>0,007</i>	<i>0,091</i>
знать	0,049	0,086
ликвидация	0,013	0,079
<i>конфискация</i>	<i>0,002</i>	<i>0,077</i>
момент	0,024	0,074
налог	0,035	0,072
ссылка	0,016	0,072
<i>эксплуатация</i>	<i>0,004</i>	<i>0,070</i>
мобилизация	0,016	0,065
приказ	0,026	0,065
семья	0,029	0,065
начальник	0,030	0,060
сбор	0,014	0,060
администрация	0,023	0,058
<i>артель</i>	<i>0,009</i>	<i>0,058</i>
<i>белогвардейский</i>	<i>0,005</i>	<i>0,058</i>
вина	0,021	0,055
допустить	0,021	0,055
материал	0,022	0,055
<i>линия</i>	<i>0,005</i>	<i>0,053</i>
<i>отряд</i>	<i>0,003</i>	<i>0,053</i>
влияние	0,009	0,048
завод	0,021	0,046
результат	0,020	0,043
<i>учитывать</i>	<i>0,002</i>	<i>0,043</i>
<i>штаб</i>	<i>0,003</i>	<i>0,043</i>
<i>злостно</i>	<i>0,003</i>	<i>0,041</i>
<i>обыск</i>	<i>0,002</i>	<i>0,041</i>
<i>профессор</i>	<i>0,009</i>	<i>0,041</i>
матери	0,007	0,038
<i>наблюдать</i>	<i>0,002</i>	<i>0,038</i>
мука	0,009	0,036
<i>домовладелец / домохозяин</i>	<i>0,003</i>	<i>0,034</i>
период	0,005	0,034
сын	0,007	0,034
фунт	0,003	0,034
езде	0,007	0,029
двор	0,007	0,029
делопроизводство	0,005	0,029
<i>развал</i>	<i>0,002</i>	<i>0,029</i>
транспорт	0,008	0,029

В данной таблице отражены единицы, частотность которых увеличилась более чем на 0,05%. Мы дополнительно выделили курсивом лексиче-

ские единицы, частотность которых увеличилась более чем в 5 раз. Можно убедиться, что эта выборка довольно специфична в отражении социальных процессов: практически в 10 раз увеличилась частотность лексемы *товарищ, разверстка, милиция, арест, положение, агитировать, уполномоченный, конфискация, эксплуатация, белогвардейский, отряд, штаб, злостный, обыск, домовладелец, развал*.

В табл. 6 представлены лексемы, частотность которых уменьшилась, и состав их совершенно иной, они отражают иные реалии. В данную таблицу были включены единицы, частотность которых уменьшилась более чем на 0,05%.

Таблица 6

Лексическое единство: лексические единицы с уменьшившейся частотностью

Единица	Корпус 1917, %	Корпус 1918–1933, %
<i>аренда</i>	0,046	0,005
<i>голос</i>	0,047	0,005
<i>доверие</i>	0,031	0,005
<i>нужный</i>	0,292	0,007
<i>обсуждать</i>	0,196	0,007
определить	0,054	0,007
ссуда	0,055	0,007
телеграмма	0,062	0,007
<i>выработать</i>	0,090	0,010
наказать	0,040	0,010
протест	0,029	0,010
сумма	0,047	0,010
<i>учитель</i>	0,073	0,010
<i>правительство</i>	0,189	0,012
фронт	0,028	0,012
<i>здесь</i>	0,088	0,014
промышленность	0,056	0,014
содержание	0,067	0,014
земство	0,055	0,015
большинство	0,084	0,017
желать	0,085	0,017
беспартийный	0,063	0,024
нельзя	0,066	0,024
<i>норма</i>	0,151	0,024
пользоваться	0,089	0,024
предоставлен	0,050	0,024
размер	0,064	0,024
прения	0,069	0,026
<i>реквизировать</i>	0,156	0,026
союз	0,059	0,026
<i>фракция</i>	0,161	0,026
<i>школа</i>	0,241	0,026
назначить	0,066	0,029
обязанность	0,065	0,029

Единица	Корпус 1917, %	Корпус 1918–1933, %
съезд	0,085	0,029
средства	0,103	0,031
<i>выдать</i>	<i>0,150</i>	<i>0,034</i>
<i>свобода</i>	<i>0,154</i>	<i>0,034</i>
<i>представитель</i>	<i>0,361</i>	<i>0,036</i>
<i>закон</i>	<i>0,133</i>	<i>0,041</i>
<i>народ</i>	<i>0,803</i>	<i>0,041</i>
<i>цена</i>	<i>0,209</i>	<i>0,041</i>
управление	0,097	0,043
область	0,102	0,050
раб	0,145	0,050
новый	0,138	0,053
труд	0,155	0,053
<i>местный</i>	<i>0,412</i>	<i>0,058</i>
деньги	0,116	0,062
временный	0,193	0,065
пункт	0,274	0,065
торговать	0,306	0,065
получить	0,216	0,070
семена	0,117	0,082
лицо	0,157	0,093
государство	0,117	0,094
<i>губерния</i>	<i>0,832</i>	<i>0,132</i>
уезд	0,477	0,144
земля	0,433	0,149
военный	0,226	0,151
волость	0,271	0,161
должен	0,371	0,173
дать	0,257	0,185
мочь	0,382	0,190
вопрос	0,655	0,223
говорить	0,354	0,262
хлеб	0,375	0,300

В этой таблице также отмечены лексемы, частотность которых уменьшилась более чем в 5 раз. Более чем в 10 раз реже стали использоваться слова *нужный*, *обсуждать*, *правительство*, *представитель*, *народ*, *губерния*. Некоторые из них отражают исчезнувшие реалии, например вышедшие из употребления номинации территорий (*волость*, *губерния*, *уезд*), но в то же время можно видеть номинации таких явлений, как *свобода*, *закон*, *народ*, *правительство*, *школа*, упоминание которых в текстах протоколов резко сократилось.

В нижеследующих таблицах представлены единицы, специфичные для исследуемых корпусов с частотностью $> 0,025\%$.

Итак, выборка специфичных для Корпуса 1917 единиц показывает выявленную раньше тенденцию в отражении событийной канвы: Томское губернское народное собрание было создано для решения проблем социального регулирования в регионе, так как Временное правительство не вы-

полняло этой функции. Выборка отражает, кроме того, сам процесс коммуникации в рамках этого собрания, процесс обсуждения и принятия решений.

Иную тематику демонстрирует выборка единиц, специфичных для второго корпуса.

Т а б л и ц а 7

Лексическое различие: лексические единицы Корпуса 1917

№	Единица	Частота
1	исполнить	0,222
2	население	0,220
3	необходимость	0,216
4	оратор	0,215
5	рубль	0,207
6	право	0,202
7	солдат	0,190
8	депутат	0,184
9	следовать	0,168
10	избрать	0,166
11	заявить	0,165
12	поправка	0,145
13	положить	0,140
14	лесной	0,130
15	производить	0,126
16	голосовать	0,120
17	верить	0,112
18	время	0,112
19	образование	0,112
20	часть	0,106
21	помол	0,098
22	высказаться	0,095
23	баллотировать	0,094
24	раздел	0,093
25	проезд	0,090
26	пайка	0,088
27	отделить	0,086
28	проект	0,079
29	имя	0,072
30	думать	0,071
31	признать	0,069
32	границ	0,067
33	жалование	0,067
34	послать	0,067
35	кровь	0,065
36	врач	0,064
37	ведать	0,063
38	переселенец	0,061
39	редакция	0,061
40	участь	0,061

№	Единица	Частота
41	купец	0,060
42	демократия	0,059
43	особая	0,059
44	социализм	0,059
45	воля	0,056
46	промышленность	0,056
47	аплодисменты	0,052
48	учет	0,051
49	вес	0,050
50	заключить	0,050
51	лишение	0,050
52	страда	0,050
53	присоединить	0,049
54	заведывать	0,048
55	огласить	0,048
56	село	0,047
57	инвалид	0,046
58	пенсия	0,046
59	обращаться	0,044
60	пожелание	0,044
61	фельдшер	0,044
62	записать	0,042
63	пополнить	0,042
64	призвать	0,042
65	наделять	0,041
66	приветствие	0,041
67	расход	0,041
68	речь	0,041
69	враг	0,040
70	кредит	0,040
71	финансовая	0,040
72	перерыв	0,039
73	вечера	0,038
74	важный	0,037
75	возражение	0,037
76	ассигнование	0,036
77	общегосударственный	0,036
78	пока	0,036
79	посылка	0,036
80	бесплатно	0,035
81	кабинетский	0,035
82	назвать	0,034
83	пособие	0,034
84	шум	0,034
85	воспитание	0,033
86	платить	0,033
87	селение	0,033
88	выяснен	0,032
89	издать	0,031

№	Единица	Частота
90	медицина	0,031
91	мир	0,031
92	внеочередной	0,030
93	вообще	0,030
94	единогласно	0,030
95	конец	0,030
96	открытие	0,030
97	класс	0,029
98	особенно	0,029
99	инструкция	0,028
100	казенная	0,028
101	устройства	0,028
102	отклонять	0,027
103	погорелец	0,027
104	сирота	0,027
105	больница	0,026
106	вознаграждение	0,026
107	запасать	0,026
108	повинность	0,025
109	полномочие	0,025
110	принцип	0,025
111	ступень	0,025

Таблица 8

Лексическое различие: лексические единицы Корпуса 1918–1933

№	Единица	Частота
1	работа	0,656
2	кулак	0,440
3	Советская власть	0,346
4	время	0,305
5	средняк	0,221
6	выполнить	0,209
7	против	0,185
8	батрак	0,183
9	связь	0,180
10	нуждаться	0,166
11	участие	0,159
12	чистка	0,154
13	арестовать	0,149
14	комиссар	0,147
15	друг	0,139
16	стаж	0,139
17	учеба	0,132
18	лишенец	0,113
19	агитировать	0,110
20	уполномоченный	0,106
21	цель	0,103
22	коммунист	0,096

№	Единица	Частота
23	контрреволюция	0,096
24	выселить	0,094
25	трудоу	0,094
26	исполнительный	0,091
27	относить	0,091
28	антисоветский	0,089
29	инструктор	0,089
30	исключить	0,089
31	выявить	0,084
32	подлинное	0,084
33	конфискация	0,077
34	коллективизация	0,074
35	масло	0,074
36	производство	0,074
37	аппарат	0,072
38	социалист	0,072
39	ссылка	0,072
40	высылка	0,070
41	классовый	0,070
42	красноармеец	0,070
43	ответственность	0,067
44	сторона	0,067
45	актив	0,065
46	брат	0,065
47	восстание	0,065
48	ячейка	0,065
49	выписка	0,062
50	заклучение	0,062
51	начальство	0,062
52	некоторые	0,062
53	чуждый	0,062
54	тройка	0,060
55	нетрудовой	0,058
56	бандит	0,055
57	директива	0,055
58	жизнь	0,055
59	надлежать	0,055
60	уисполком	0,055
61	враждебный	0,053
62	решительно	0,053
63	следующее	0,053
64	поддержка	0,050
65	ведро	0,048
66	зав	0,048
67	особо	0,048
68	сено	0,048
69	уклонист	0,048
70	продналог	0,046
71	столовая	0,043

№	Единица	Частота
72	укрывательство	0,043
73	задание	0,041
74	дума	0,038
75	муниципализация	0,038
76	отдельный	0,038
77	с/совет	0,038
78	амнистия	0,036
79	мука	0,036
80	секретно	0,036
81	вступить	0,034
82	домовладелец	0,034
83	избирательная	0,034
84	около	0,034
85	хозяйственно	0,034
86	допрашивать	0,031
87	меньшевик	0,031
88	означенный	0,031
89	отказ	0,031
90	открыто	0,031
91	подготовка	0,031
92	делопроизводитель	0,029
93	дополнительно	0,029
94	заниматься	0,029
95	картофель	0,029
96	направление	0,029
97	пленум	0,029
98	расстрел	0,029
99	солома	0,029
100	сотрудник	0,029
101	товар	0,029
102	выездной	0,026
103	наказание	0,026
104	отдать	0,026
105	партизанский	0,026
106	реквизиция	0,026
107	циркуляр	0,026

Можно убедиться, что в выборке лексики, специфичной для Корпуса 1918–1933, значительно больше маркеров новой социальной и политической ситуации: дифференциация крестьян по хозяйственному положению (*кулак, батрак, бедняк, средняк*), политическая ориентация (*коммунист, социалист, меньшевик*), социально-политические явления (*чистка, коллективизация, укрывательство, муниципализация*), карательные действия (*арестовывать, конфискация, ссылка, высылка, расстрел*) и под.

Таким образом, есть все основания говорить об отражении «прерывности» дискурсивных формаций в лексической организации текста протокола.

Заключение

Подводя итоги, резюмируем основные тезисы исследования.

Первое, что следует констатировать, – документные тексты исследуемых массивов демонстрируют принадлежность к дискурсивному единству: во-первых, они соответствуют требованию фактографичности, так как в них доминируют единицы, называющие топосы, персоналии и под. Во-вторых, тексты обоих массивов содержат дискурсивные маркеры: номинации типа документа, типичных коммуникативных ситуаций (и их части), участников коммуникации, коммуникативные действия, что свидетельствует о тенденции к унифицированности и, в свою очередь, принадлежности к сфере институциональной коммуникации.

С другой стороны, качественный анализ состава категорий и количественный анализ лексем показывает «прерывность» дискурсивных формаций, которая проявляется в различии лексического состава:

- изменяется состав категории «Персоналии»: участниками социальных процессов выступают совершенно другие люди;

- изменяется состав категории «Топонимы»: тексты отражают иную территориальную отнесенность событий;

- изменяется состав категории «Национальность»: Корпус 1917 содержит значительно более широкий спектр номинаций по национальному признаку, что свидетельствует об актуальности вопроса о национальности для этого периода;

- изменения также наблюдаются в употреблении дискурсивных маркеров: маркеры Корпуса 1918–1933 демонстрируют значительно большую тенденцию к унифицированности;

- в лексической организации протоколов исследуемых корпусов можно отметить как черты преемственности (есть незначительное количество единиц, частотность которых сохраняется), так и признаки трансформации: 1) увеличение частотности лексических единиц, обозначающих новые социальные и политические явления, социальные статусы и действия (в том числе карательные); 2) уменьшение частотности лексических единиц, обозначающих как исчезнувшие реалии (номинации территориальных единиц), так и явления, по всей вероятности утратившие свою первостепенную значимость в новом социальном порядке;

- единицы, специфичные для исследуемых корпусов, демонстрируют те же тенденции. Для Корпуса 1917 характерна частотность единиц, отражающих организацию управления Томской губернией: решение вопросов, касающихся распределения земель, заготовки хлеба, статуса религиозных организаций, распределения продовольственных запасов и организации торговли, а также вопросов образования. В Корпусе 1918–1933 более частотны единицы другого типа – лексем, отражающие общегосударственные процессы этого периода, которые связаны с установлением нового социального порядка и новых социальных статусов, политическим регулированием, изменением уклада ведения сельского хозяйства и наказанием асоциального поведения.

Литература

1. Фуко М. Археология знания. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия» : Университетская книга, 2004. 416 с.
2. Серю П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. ; общ. ред. и вступ. ст. П. Серю ; предисл. Ю.С. Степанова. М., 1999. С. 337–383.
3. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. ; общ. ред. и вступ. ст. П. Серю ; предисл. Ю.С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. 416 с.
4. Охотников А.В., Булавина Е.А. Документоведение и делопроизводство. М. : ИКЦ Март, 2004.
5. Кушнерук С.П. Современный документный текст: создание и исследование. М. : Либеря-Бибинформ, 2009. 192 с.
6. Стилистика русского языка : учеб. / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. М. : Флинта : Наука, 2016. 465 с.
7. Богатова Е.Б. Документный дискурс – «нелюбимый ребёнок» русской лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1 (24). С. 40–43.
8. Сологуб О.П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2009. 46 с.
9. Харченко В.К. Язык революции в документах и материалах Петроградского военно-революционного комитета // Селищевские чтения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения А.М. Селищева. Елец, 2005.
10. Батырева Л.П. О языке шуйских деловых документов 20–30-х гг. XX в. (протокол одного собрания) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 52–56.
11. Рогожникова Т.П. Из истории документной лингвистики: отчет рубежа XIX–XX веков // Язык. Текст. Дискурс : науч. альм. Ставропольского отделения РАЛК / под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь, 2010. Вып. 8. С. 357–363.
12. Рогожникова Т.П. История документной лингвистики : учеб. пособие. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2016. 84 с.
13. Мишанкина Н.А., Рожнева Ж.А. Юридический дискурс как отражение исторических и ментальных процессов (историко-лингвистический анализ) // Гуманитарная информатика : сб. ст. / под ред. Г.В. Можяевой. Томск, 2004. Вып. 1. С. 97–102.
14. Орлова Н.В. Дискурсивные детерминанты порождения документного текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8, № 1. С. 156–163.
15. Орлова Н.В. Доступность современного официально-делового документа: лингвопрагматические аспекты // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (19). С. 184–192.
16. Орлова Н.В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 188–193.
17. Черныш О.А. Отражение исторического контекста в структуре и содержании текста документа (на материале текстов протоколов 1917–1933 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 143–147.
18. Черныш О.А., Мишанкина Н.А. Лексика делового протокола в дискурсивном аспекте (на материале протоколов 1918–1933 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 30–40. DOI: 10.17223/15617793/434/4
19. Карцевский С.И. Язык, война и революция. Берлин : Русское универсальное изд-во, 1923. 72 с.
20. Скворцов Л.И. О языке первых лет Октября // Русская речь. 1987. № 5. С. 9–18.
21. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стер. М. : УРСС, 2003. 247 с.

22. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2007. 240 с.
23. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Исторические процессы в лексике русского языка и в семантической структуре слова (на материале региональной прессы 20–30-х годов XX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 128–132.
24. Штицына Г.М., Мамонова Ю.О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235), вып. 30. С. 21–28.
25. Краткий словарь видов и разновидностей документов / Главархив, ВНИИДАД. М., 1974. 80 с.
26. Томское губернское народное собрание. Сессия. Протоколы Томского губернского народного собрания, 1-я сессия. Томск, 1917. 212 с.
27. Сборники документов и материалов Государственного архива Томской области. URL: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html> (дата обращения: 17.11.2017).
28. Broom L., Reece S. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis // The Public Opinion Quarterly. 1995. Vol. 19, № 1. P. 5–19.
29. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Корона Эдиториал УРСС, 2001. С. 252–281.
30. Можяева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник Томского государственного университета. Сер. Литературоведение и языкознание. 2007. № 294. С. 52–61.
31. Мишанкина Н.А., Зильберман Н.Н. Восточнославянские языки в рефлексии наивного носителя языка (контент-аналитическое исследование коммуникации Интернет-сообществ) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 78–98. DOI: 10.17223/18572685/48/7
32. Куркан Н.В. Лексические и композиционные особенности жанра «стандарт» в дискурсивном аспекте // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2019. Вып. 9 (206). С. 78–83. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-9-78-83.
33. Федеральный образовательный портал ЭСМ: экономика, социология, менеджмент. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/35480087>
34. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : Аст-пресс, 1999. 704 с.

Vocabulary of Official Records in the Aspect of Discursive Formation “Discontinuity” (Based on the Materials of Records Dated by 1917–1933)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 66. 107–131. DOI: 10.17223/19986645/66/6

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

Olga A. Chernysh, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernyshoa@tpu.ru

Keywords: document discourse, record, content analysis, lexical organisation, discursive unity, discursive formation.

The aim of the article is to identify quantitative characteristics of the lexical organisation of the text of the record in the aspect of the “discontinuity” of discursive unity caused by changes in the social reality in 1917–1933. Methodologically, the research is based on Michel Foucault’s thesis on the “discontinuity” of discursive formations within discursive unity. Document discourse preserves the unity of the basic function and transforming in the aspect of language specificity and thus allows arguing this thesis. The discursive approach allows

interpreting the repercussions of the social processes in the document corpus in a new way. Despite its function of fixing the sequence of real social events and their documentary proof, the record is scarcely investigated in this aspect. In the research, the leading methodological approach is discourse analysis; the main method is automated content analysis. The material for the analysis was corpora of records (1) of Tomsk Governorate People's Assembly dated by 1917 (25 documents, 91,686 word usages) and (2) of meetings at Tomsk institutions dated by 1918–1933 (126 documents, 41,630 word usages). The research showed that these corpora have significant difference in terms of lexical organisation. On the one hand, the document texts of the corpora demonstrate belonging to a discursive unity: they meet the factographic requirement and contain discursive markers (nomination of the type of document, typical communicative situations (and their parts), participants in communication, communicative actions), which indicates their belonging to the sphere of institutional communication. On the other hand, the quantitative analysis of the vocabulary shows the “discontinuity” of discursive formation, which is manifested: (1) in the different composition of categories and different usage of discursive markers: the markers of the 1918–1933 corpus show a much greater tendency to uniformity; (2) in the signs of transformation observed in the lexical organisation of the record: (a) an increase in the frequency of lexical units denoting new social and political phenomena, social statuses and actions (including punitive ones); (b) a decrease in the frequency of lexical units denoting both disappeared realities (nominations of territorial units) and phenomena which have lost their significance in the new social order. Thus, it can be argued that the lexical organisation of the record of different historical periods shows the “discontinuity” of discursive unity, and the analysed corpora can be considered different discursive formations. This “discontinuity” is primarily due to the changed social reality.

References

1. Foucault, M. (2004) *Arkhologiiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French. Saint Petersburg: Izdatel'skiy tsentr “Gumanitarnaya Akademiya”; Universitetskaya kniga.
2. Sériot, P. (1999) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Translated from French and Portuguese. Moscow: Progress. pp. 337–383.
3. Sériot, P. (1999) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: French school of discourse analysis]. Translated from French and Portuguese. Moscow: Progress.
4. Okhotnikov, A.V. & Bulavina, E.A. (2004) *Dokumentovedenie i deloproizvodstvo* [Record Management and Office Work]. Moscow: IKTS Mart.
5. Kushneruk, S.P. (2009) *Sovremennyy dokumentnyy tekst: sozдание i issledovanie* [Contemporary Document Text: Creation and Research]. Moscow: Libereya-Bibinform.
6. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskiy, V.A. (2016) *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Flinta, Nauka.
7. Bogatova, E.B. (2013) Document discourse – “unloved child” of Russian linguistics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 6–1 (24). pp. 40–43. (In Russian).
8. Sologub, O.P. (2009) *Sovremennyy russkiy ofitsial'no-delovoy tekst: funktsional'no-geneticheskiy aspekt* [Modern Russian Official Business Text: Functional and genetic aspect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kemerovo.
9. Kharchenko, V.K. (2005) [The language of the revolution in the documents and materials of the Petrograd Military Revolutionary Committee]. *Selishchevskie chteniya* [Selishchev Readings]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 120th anniversary of A.M. Selishchev. Yelets. 22–24 September 2005. Yelets: Yelets State University. (In Russian).

10. Batyreva, L.P. (2008) O yazyke shuyskikh delovykh dokumentov 20–30kh godov XX veka (protokol odnogo sobraniya) [About the language of Shuya administration documents of the 1920s–1930s (record of one meeting)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of Orel State University*. 1. pp. 52–56.
11. Rogozhnikova, T.P. (2010) Iz istorii dokumentnoy lingvistiki: otchet rubezha XIX–XX vekov [From the history of documentary linguistics: A report of the turn of the 20th century]. *Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyy almanakh stavropolskogo otdeleniya RALK*. 8. pp. 357–363.
12. Rogozhnikova, T.P. (2016) *Istoriya dokumentnoy lingvistiki* [History of Documentary Linguistics]. Omsk: Omsk State University.
13. Mishankina, N.A. & Rozhneva, Zh.A. (2004) Yuridicheskiy diskurs kak otrazhenie istoricheskikh i mental'nykh protsessov (istorikolingvisticheskiy analiz) [Juridical discourse as reflection of historical and mental processes (historical and linguistic analysis)]. *Gumanitarnaya informatika – Humanitarian Informatics*. 1. 97–102.
14. Orlova, N.V. (2013) Diskursivnye determinanty porozhdeniya dokumentnogo teksta [Discursive determinants of document generation]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti – Theoretical and Applied Aspects of Speech Activity Study*. 1 (8). pp. 156–163.
15. Orlova, N.V. (2014) Accessibility of a contemporary official document: lingvopragmatic aspects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (19). pp. 184–192. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1403.19
16. Orlova, N.V. (2014) Modality and tonality of contemporary documents with prescriptive function. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 4 (74). pp. 188–193. (In Russian).
17. Chernysh, O.A. (2018) Reflection of the historical context in the structure and content of the text of the document (on the basis of the records dated by 1917–1933). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (191). pp. 143–147. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-143-147
18. Chernysh, O.A. & Mishankina, N.A. (2018) Lexical organization of the record in a discursive aspect (on the basis of records dated by 1918–1933). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 30–40. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/4
19. Kartsevskiy, S.I. (1923) *Yazyk, voyna i revolyutsiya* [Language, War and Revolution]. Berlin: Russkoe universal'no izdatel'stvo.
20. Skvortsov, L.I. (1987) O yazyke pervykh let Oktyabrya [About the language of the first years of the October]. *Russkaya rech'*. 5. pp. 9–18.
21. Selishchev, A.M. (2003) *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniya nad russkim yazykom (1917–1926)* [The Language of the Revolutionary Era. From observations of the Russian language (1917–1926)]. 2nd ed. Moscow: URSS.
22. Krysin, L.P. (2007) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksicheskaya semantika. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya* [Modern Russian Language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Moscow: Akademiya.
23. Logunova, N.V. & Mazitova, L.L. (2013) The historical process in Russian language and vocabulary in the semantic structure of the word (based on regional press of the 1920s–1930s). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 6 (2). pp. 128–132. (In Russian).
24. Shipitsyna, G.M. & Mamonova, Yu.O. (2016) General view of the vocabulary of the Russian language of the Soviet period. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki – Scientific bulletin of Belgorod State University: Humanities Sciences*. 14 (30). pp. 21–28. (In Russian).
25. Yankovaya, V.F. (ed.) (1974) *Kratkiy slovar vidov i raznovidnostey dokumentov* [Concise Dictionary of Document Types and Varieties]. Moscow: Glavarkhiv VNIIDAD.

26. Tomsk Governorate People's Assembly. (1917) *Protokoly Tomskogo gubernskogo narodnogo sobraniya, 1-ya sessiya* [Minutes of the Tomsk Governorate People's Assembly, 1st session]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.

27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). (2017) *Sborniki dokumentov i materialov Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoy oblasti* [Collections of documents and materials of the State Archive of Tomsk Oblast]. [Online] Available from: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html>. (Accessed: 17.11.2017). (In Russian).

28. Broom, L. & Reece, S. (1995) Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis. *The Public Opinion Quarterly*. 1 (19). pp. 5–19.

29. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: Korona Editorial URSS. pp. 252–281.

30. Mozhaeva, G.V. & Mishankina, N.A. (2007) Content analysis of historiographical source (revisiting the interdisciplinarity of linguistic methods). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 52–61. (In Russian).

31. Mishankina, N.A. & Zil'berman, N.N. (2017) East Slavic languages in the reflexion of a naive native speaker (content-analytical study of the social networks communication). *Rusin*. 2 (48). pp. 78–98. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/7

32. Kurkan, N.V. (2019) Lexical and Structural Characteristics of Technical Standards in Engineering Discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 9 (206). pp. 78–83. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2019-9-78-83.

33. Churakov, A.N. (2011) *Kontent analiz PRO* [Content Analys PRO]. [Online]. Available from: <http://ecsocman.hse.ru/text/35480087>. (In Russian).

34. Babenko, L.G. (ed.) (1999) *Tolkovyy slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory Dictionary of Russian Verbs: ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-press.